

СТАРОЛАДОЖСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 9

Нестор-История
Санкт-Петербург
2012

УДК 947.02/.03(471.2)(063)
ББК 63.3(2Рос30)4я43
С77

Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник

С77 **Староладожский сборник.** Выпуск 9 / науч. ред.-сост.
А. А. Селин. — СПб. : Нестор-История, 2012. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-905986-79-6

УДК 947.02/.03(471.2)(063)
ББК 63.3(2Рос30)4я43

ISBN 978-5-905986-79-6

© Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник, 2012
© А. А. Селин, составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «Нестор-История», 2012

Д.В. Пежемский

СКАНДИНАВСКОЕ ПРИСУТВИЕ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ¹

Посвящаю светлой памяти антропологов,
умерших в блокадном Ленинграде —

А.Н. Юзефовича, Г.И. Петрова и Е.В. Жирова

Проблема скандинавского присутствия на Северо-Западе по данным палеоантропологии привлекала к себе внимание отечественных специалистов не один раз. Однако нельзя сказать, что она разработана систематически. Первым исследователем, заговорившим о том, что данные краниологии позволяют установить связи со Скандинавией, был Андрей Никифорович Юзефович (1892–1941). Он участвовал в раскопках В.И. Равдоникаса, изучавшего грунтовый некрополь на Земляном городище Старой Ладоги (1938–1940 гг.). А.Н. Юзефович исследовал черепа из этих раскопок и ему «...бросились в глаза их нордические особенности, резко отличающие старолadoжскую серию от славянских...»². Скорее всего, А.Н. Юзефович так и не успел измерить черепа до начала Великой Отечественной войны, поэтому описал их

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09–06–00271а — «Эпохальная изменчивость строения скелета у населения Северной Евразии. Сравнительное популяционное морфометрическое исследование» (рук. И.В. Перевозчиков, Е.Л. Воронцова).

² Это цитата взята из неопубликованной рукописи А.Н. Юзефовича (1941 г.), которая сохранялась в Архиве МАЭ и была хорошо известна антропологам (см., например: Чебоксаров Н.Н. Ильменские поозеры // ТИЭ, новая серия. Т. I. М.; Л., 1947. С. 266).

только визуально. Попутно замечу, что по терминологии 1930-х годов словом «нордические» могли обозначаться не только черты атлантико-балтийской расы, здесь могла подразумеваться северная ветвь европеоидов вообще. По большому счету мы не до конца понимаем что конкретно имел в виду А.Н. Юзефович, ведь кроме прочего он писал о сходстве отдельных черепов из кладбища на Земляном городище Старой Ладogi с черепами кривичей и словен новгородских³.

Данная краниологическая выборка, бесспорно крайне своеобразная в морфологическом отношении — долихокранный, с низким сводом, очень высоким, относительно узким, резко профилированным лицом — в дальнейшем неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Так, в начале 1950-х годов черепа из Старой Ладogi были измерены Валентином Васильевичем Седовым (1924–2004), в ту пору учившимся у Г.Ф. Дебеца и активно работавшим над проблемами палеоантропологии Северо-Запада. К слову сказать, вклад В.В. Седова в палеоантропологию еще до конца не оценен — его великие археологические свершения последующих лет почти полностью затмили его палеоантропологические работы. Краниометрические данные по Старой Ладогe, полученные В.В. Седовым, были опубликованы Татьяной Ивановной Алексеевой (1928–2007), с именем которой связана целая эпоха в антропологическом изучении восточных славян⁴. В свою широко известную монографию «Этногенез восточных славян» она поместила специальный раздел «Норманнская проблема по антропологическим данным». Здесь Т.И. Алексеева подчеркнула, что материала для окончательного решения данной проблемы недостаточно и он противоречив (в этом состоянии источниковая

³ Санкина С.Л. Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 143; Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладogi // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 91.

⁴ Алексеева Т.И. 1) Антропологічний склад населення древньоруських міст // Матеріали з антропології України. Вип. 4. Київ, 1969. С. 77, 84; 2) Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 127–128.

база находится и сегодня). Так, часть искомых черепов происходит из курганных могильников, часть — из грунтовых кладбищ. На территории, где высока концентрация скандинавских вещей — в Юго-Восточном Приладожье, население, по ее мнению, славянское и финское. Главный вывод состоял в том, что по данным антропологии сколько-нибудь существенное влияние скандинавов на древнерусское население не прослеживается⁵. Стоит вспомнить, что Т.И. Алексеева — первый исследователь не только нашедший существенные отличия в строении черепа у славянских и германских народов (эти отличия отмечались и ранее), но и сумевший выразить их в цифровом отношении, разработавший соответствующие краниометрические признаки для фиксации этих отличий⁶. Именно поэтому нам так важна ее оценка материалов из Старой Ладоги: «Изучение антропологического комплекса в старолadoжской серии на фоне изменчивости признаков в германских группах позволяет сделать заключение о германской принадлежности этой серии, хотя трудно сказать, в какой германской группе можно найти ей прямую аналогию»⁷.

На новом этапе развития палеоантропологии Северо-Запада к данной теме обратилась С.Л. Санкина, подготовившая совместно с А.Г. Козинцевым *первую* специальную публикацию скелетных материалов XI–XII вв. из некрополя Земляного городища Старой Ладоги⁸. Данная работа очень интересна и максимально взвешенна. В ней не только вновь констатируется морфологическое своеобразие старолadoжских черепов, но и методами многомерной статистики иллюстрируется принадлежность их к «западному» полюсу/кластеру, к которому также отнесены черепа из Шестовиц, черепа ливов, средневековых шведов и исландцев, черепа железного века Британии. Кроме того, было обнаружено, что дискретно-варьирующие признаки черепа в старолadoжской серии «указывают на северо-европейскую принадлежность черепов» (заметим, не только скандинавскую!). При этом немаловажна оговорка: рассматри-

⁵ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян... С. 265–267.

⁶ Там же, с. 256–262.

⁷ Там же, с. 266.

⁸ Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика... С. 90–107.

ваемая серия черепов — «единственная группа с территории средневековой Ладogi, которой мы располагаем, поэтому сейчас невозможно определить ее место в структуре населения города». Как и Т. И. Алексеева, авторы не считают влияние описанного «скандинавского» компонента на население Северо-Запада значительным, однако полагают, что «в определенных рамках смещение все же происходило»⁹. Далее С. Л. Санкина продолжила самостоятельно разрабатывать проблему скандинавского присутствия на Северо-Западе по данным палеоантропологии¹⁰.

В связи с обнаружением в Пскове камерного «скандинавского» некрополя второй половины X — начала XI веков к проблеме «антропологического поиска варягов» довелось обратиться и автору этих строк. Однако до недавнего времени нельзя было сказать, что мои исследования позволяют нарисовать какую-то определенную картину¹¹. Главное, что всегда смущало — *полное отсутствие каких-либо археологических свидетельств «скандинавской» принадлежности погребений Земляного городища*. В общем-то, у нас нет ничего, кроме общих представлений о социально-экономической и политической активности скандинавов в Ладoge в *предшествующую эпоху*. Хорошо помня о том, что в самом начале XI века Ладoga стала владением шведского ярла Рагнвальда Ульфссона, родственника княгини Ирины-Ингигерд, мы не можем забывать и о скором конфликте Новгорода с варягами, и том, что в XII веке Ладoga — обычный древнерусский город, «пригород» Новгорода.

⁹ Санкина С. Л., Козинцев А. Г. Антропологическая характеристика... С. 104–105.

¹⁰ Санкина С. Л. 1) Антропология средневекового населения Русского Севера (X–XIV вв.) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию И. И. Гохмана. СПб., 2004. С. 83–107; 2) Скандинавская проблема...

¹¹ В рамках научной конференции «У истоков русской государственности», посвященной 30-летию Новгородской областной археологической экспедиции, мною был сделан доклад «Проблемы западнославянской инвазии и скандинавского присутствия на Северо-Западе Руси» (7.10.2005, г. Великий Новгород); материалы доклада не были сданы в печать в силу внутренних сомнений в правильности предварительных выводов, теперь их удалось разрешить.

Совсем недавно появилась новая статья С. Л. Санкиной, посвященная скандинавской проблеме¹². Данную работу необходимо признать важнейшим этапом ее разработки, однако, прямота некоторых встречающихся в ней утверждений вызывает искреннее недоумение. Так, С. Л. Санкина пишет: «Вопрос о том, насколько объективно можно определить этническую принадлежность средневековых групп населения, оставившего археологические памятники на территории Древней Руси, до сих пор решается неоднозначно»¹³. Почему неоднозначно? По-моему, современная антропология дает ответ на этот вопрос вполне однозначно: определить *этническую* принадлежность нельзя! Особенно — объективно. Этого нельзя сделать ни для средневековых, ни для современных групп населения. Ведь физическая антропология изучает изменчивость биологических свойств человеческого организма, а не этнос — категорию социально-историческую, антропология *изучает антропологические*, или расовые *общности*. Все, что касается этничности, особенно средневекового населения, объективно может быть изучено только совместно лингвистами, историками, археологами, этнографами и антропологами.

Далее, пропуская сомнительное для меня утверждение о том, что «Ладога — форпост славянского расселения на северных землях», не могу не протестовать против таких словосочетаний как «германский краниологический вариант» и «германский комплекс»¹⁴. Не менее ошибочным считаю утверждение: «Германцы... представляют наиболее гомогенную общность, в которой антропологический тип соответствует этнической принадлежности»¹⁵, однако это тема отдельного разговора. Вернемся к краниологической выборке из некрополя Земляного городища.

Основной вывод С. Л. Санкиной состоит в том, что население XI–XII вв., погребенное на Земляном городище Старой Ладоги, представляет собой выходцев из Скандинавии и их потомков. Более того, население с такими же особыми морфологическими чертами было обнаружено ею и в Белозерье (р. Молога), и на Ижорском

¹² Санкина С. Л. Скандинавская проблема...

¹³ Там же, с. 142.

¹⁴ Там же, с. 142, 143, 145, 148.

¹⁵ Там же, с. 155.

плато. Описанные С. Л. Санкиной серии, «которые с большой долей вероятности можно отнести к скандинавским», дают нам чрезвычайно ценную информацию, ведь «как по совокупности измерительных признаков, так и по индексам, предложенным Т. И. Алексеевой, исследованные серии вписываются в общегерманский размах изменчивости»¹⁶. Приводимые автором морфологические доказательства и нумерические классификации в целом убедительны, однако в контексте «скандинавской проблемы» они ставят целый ряд острых вопросов, ибо одно дело факты, а другое дело — их интерпретации. Именно последние вызывают у меня наибольшие возражения.

Начнем с простого. Активная деятельность скандинавов на территории Древней Руси (и на Северо-Западе в частности) относится к IX — первой половине XI в. В течение последнего столетия эта активность сходит на нет, происходит либо отток скандинавского населения обратно «за море», либо, что более вероятно, его ассимиляция славянским населением. Это признается большинством исследователей. Несмотря на существование Варяжских улиц в Новгороде и Ладоге, данных о компактном проживании варягов в древнерусских городах и сельских поселениях в XII–XIII вв. у нас нет. Все, что мы знаем о скандинавах по данным наук гуманитарного круга, предполагает, что наиболее ранние северные мигранты, которые обнаружатся на территории древнерусских земель, должны быть более сходны с населением Скандинавии, а наиболее позднее будут походить не него в меньшей степени. Как увидим ниже, факты свидетельствуют об обратной тенденции.

Далее. Безусловно, очень рискованно пытаться выяснить этнический состав собственно скандинавов, пришедших на Русь, однако все, что мы знаем об этом, свидетельствует в пользу шведов и норвежцев, как наиболее представительных этнических групп.

Теперь обратимся к фактам, установленным С. Л. Санкиной и А. Г. Козинцевым. Еще в работе 1995 г. было показано, что группой, наиболее сходной с населением Старой Ладоги, являются *ливы*. Со ссылкой на работы Р. Я. Денисовой это было объяснено скандинавским влиянием на это *прибалтийско-финское племя*. Странно! На всех его представителей сразу?

¹⁶ Там же, с. 143.

Ведь выборка черепов ливов составлена по материалам 5-ти могильников, расположенных в бассейнах двух рек — Гауи и Даугавы? От себя добавлю, что морфологическое сходство ладожан и ливов представлено чрезвычайно ярко (табл. 1). По моим данным *статистически достоверные* различия между ними практически отсутствуют (проанализирован 21 краниометрический признак) — из достоверных отличий отметим более короткую и узкую мозговую коробку, что, впрочем, совершенно не влияет на их идентичность по черепному указателю, имеются отличия в высотных пропорциях черепа и пропорциях переноса. Противоречат этому лишь данные по горизонтальной профилировке, которая у данных групп очень различается, однако это может объясняться малой численностью наблюдений в выборке ливов. Кроме того, новый краниологический материал из Юго-Восточной Эстонии — из могильника Сиксали, также демонстрирует большое сходство с материалом из Старой Ладоги¹⁷. Особенно четко морфологическая близость прослеживается по черепам, относящимся к *позднему* хронологическому этапу — XIV–XV вв. (табл. 1). Характерно, что и по данным С. Л. Санкиной к выборкам с территории Скандинавии ближе всего оказываются не наиболее ранние группы «скандинавов» Северо-Запада, а наиболее поздние — XII и XIII веков. Странно, не правда ли? Видимо это не случайно. Для серии из Старой Ладоги этот факт также зафиксирован. Наиболее поздняя, по мнению С. Л. Санкиной, подгруппа обладает более низким сводом, более высоким лицом и более высокими орбитами, то есть чертами более «германскими», чем описанные для ранней подгруппы. Впрочем, эти различия статистически недостоверны (за исключением высотно-поперечных пропорций мозгового черепа), зато стоит обратить внимание на кардинальные, статистически значимые отличия в горизонтальной профилировке лица у двух этих хронологических подгрупп¹⁸.

Несколько слов о сходстве населения, погребенного на Земляном городище и в курганах Шестовиц. Предполагаемое их

¹⁷ *Heapost L. The Cemetery of Siksälä: Osteological and Paleodemographical Analysis // Siksälä: A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval. Tallinn–Tartu, 2007. P. 226.*

¹⁸ *Санкина С. Л. Скандинавская проблема... С. 146.*

сходство, констатированное впервые Т. И. Алексеевой и проиллюстрированное многомерными анализами С. Л. Санкиной, не может не влиять на интерпретацию краниологических особенностей и тех, и других¹⁹. Таким образом, к системе доказательств «скандинавской принадлежности» ладожан добавляется еще один *косвенный аргумент*. В отличие от предшественников, я не вижу в выборке из Шестовиц достаточно близкую аналогию краниологическому типу средневековых ладожан. Сходство между ними, безусловно, есть, но оно не самое близкое и не бесспорное. Попытаемся применить объективные критерии сопоставления. Допустим, что средние величины краниометрических признаков, полученные Г. П. Зиневич по малочисленному материалу из Шестовиц, хоть в какой-то мере близки к истине²⁰. В этом случае можно попытаться применить t-критерий Стьюдента. Для этого воспользуемся опубликованными Г. Ф. Дебецем стандартными значениями сигм²¹.

Как видим, в строении черепа насельников Шестовиц и Ладоги имеются существенные отличия (табл. 2). Черепа из Шестовиц имеют достоверно более длинное основание и достоверно больший поперечный диаметр (что, впрочем, не сказывается на близком сходстве с Ладогой по черепному указателю). Важно отметить, что в Шестовицах значительно более узкое и низкое лицо, с узкими, значительно более высокими орбитами, значительно более низким по указателю переносьем и совершенной иной горизонтальной профилировкой. Средние значения нозомялярного и зиго-максиллярного углов делают лицевой скелет жителей Шестовиц не столь профилированным. Таким образом, по данным t-критерия Стьюдента между выборками из Ладоги и Шестовиц мною признаются существенные различия. Все это позволяет настаивать на том, что «проблема Ладоги» и «проблема Шестовиц» должны рассматриваться по отдельности,

¹⁹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян... С. 266–267; Санкина С. Л., Козинцев А. Г. Антропологическая характеристика...; Санкина С. Л. Скандинавская проблема...

²⁰ Зиневич Г. П. До антропології Шестовицького могильника // Матеріали з антропології України. Вип. 2. Київ, 1962. С. 37–47.

²¹ Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. С. 123–127.

несмотря на то, что их принадлежность к близким, но разным антропологическим вариантам очевидна. Данные по каждому из них не должны использоваться в качестве доказательств при решении каких-то вопросов по другой проблеме, эти данные не должны влиять друг на друга.

Вернемся к результатам С. Л. Санкиной. После ливов наиболее близким морфологическим сходством с населением Ладоги обладает население Британии эпохи «железного века» (по европейской терминологии железным веком могут быть названы и культуры раннего средневековья, но это сейчас не важно). Важно, что население Швеции X–XIV вв., Исландии X–XII вв. и Ирландии VI–XIII вв. образует ближайший к Ладоге субкластер, но все же отличается от нее больше чем, например, балты (селы, латгалы) отличаются от западных славян (поморян, ободритов). На более высоком уровне кластеризации к «западному» кластеру присоединяется население Дании VI–VIII вв., Германии VI–VIII вв. и эсты XI–XIII вв., которые рассматриваются многими исследователями как очень архаичная группа²². Кроме того, нельзя не упомянуть результата, полученного для выборки из Старой Ладоги С. Г. Ефимовой, которая проанализировала краниологическое разнообразие всей Европы и выяснила, что это население ближе всего стоит к вестготам Испании V–VII вв.²³ В работе 2008 г. С. Л. Санкиной был получен еще

²² Санкина С. Л. Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000. С. 64. По материалам многомерного шкалирования древние эсты демонстрируют большое сходство с ладожанами (Санкина С. Л., Козинцев А. Г. Антропологическая характеристика... С. 104), что не может быть принято после сравнительного анализа краниологических черт тех и других — эсты обладают гипердолохокранным и очень высоким сводом, очень узким и значительно более высоким лицом (Марк К. Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // Балтийский этнографический сборник — ТИЭ, новая серия, т. XXXII. М., 1956. С. 170–228); впрочем, к этому аспекту необходимо будет еще вернуться, так как сходные результаты были получены недавно и Лейу Хеапост — население Ладоги сближается ею с населением XII–XIII вв. из Изборска и Таммику (Heapost L Lindora 11.–12. sajandi kääbaskalmistu antropoloogiline aines // Etnos ja kultuur: Uurimusi Silvia Laulu auks. Tartu; Tallinn, 2006. P. 169–179).

²³ Ефимова С. Г. Население средневековой Европы: соотношение антропологических и этнокультурных общностей // На путях биологической истории человечества. Т. I. М., 2002. С. 170.

более важный результат — по данным канонического анализа оказалось, что население Старой Ладogi ближе всего стоит к населению Германии VI–VIII вв.²⁴

Проведенные мною дополнительные исследования позволяют переместить акцент в интерпретации материалов и результатов, опубликованных С. Л. Санкиной. Они показывают, что перед нами редкая для эпохи средневековья антропологическая архаика! Краниологические особенности населения Ладogi XI–XII вв. вписываются не в «общегерманский размах изменчивости», а в размах изменчивости одного из древних расовых пластов Северной Европы. Насколько древнего?

Доступные сравнительные материалы позволяют утверждать, что краниологические варианты, очень близкие тому, что бытовал в средневековой Ладoge, обнаруживаются у некоторых групп населения Северной и Восточной Европы уже во II тысячелетии до н.э. (табл. 1). В первую очередь это *строители мегалитов* Юго-Западной Швеции — из областей Бохуслен и Вёстергётланд, во вторую — носители позднего этапа *фатьяновской культуры*²⁵. Первые обладали несколько более крупным черепом, достоверно более широким лбом и более высокими орбитами. Вторые обладали более широким лбом и значительно более длинным черепом, что повлияло на длину основания и горизонтальные его пропорции, более высоким носом и более профилированным лицом. В остальном же названные группы бронзового века *не имеют статистически значимых отличий* в строении черепа от населения средневековой Ладogi (было проанализировано от 15-ти до 24-х признаков черепа по t-критерию Стьюдента).

Судя по всему, в эпоху бронзы и раннего железного века на территории Северной Европы и северной части Восточной Европы существовал единый антропологический пласт, характерной чертой которого была долихокрания, низкий свод, высокое, среднеширокое, хорошо профилированное лицо и относительно узкий нос. В подтверждение гипотезы об антропологическом единстве северной зоны Европы теперь имеются

²⁴ Санкина С. Л. Скандинавская проблема... С. 151.

²⁵ Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975. С. 73–75, 91–95.

и данные генетики²⁶. Еще в древности эта расовая общность начала распадаться, и в эпоху средневековья была уже представлена дискретно. Народы германской языковой ветви, жившие по обеим сторонам Балтийского моря, лучше сохранили данный расовый тип, а в Восточной Прибалтике и на Северо-Западе он сохранился в значительно меньшем объеме, на уровне отдельных популяций. Отсюда столь яркое и «необъяснимое» сходство ливов, ладожан, отдельных групп населения Ижорского плато и Белозерья. В силу разных причин (секулярные изменения, метисационные процессы) локальные варианты этого антропологического пласта постепенно приобрели и некоторые отличия. Так, например, имеются различия между «скандинавскими» выборками, выделенными С. Л. Санкиной. Белозерская и ижорская серии значительно более короткоголовые, гораздо более клиногнатны и обладают более широким переносом (табл. 3). Думается, что сходство рассматриваемых материалов не было бы столь отчетливым, если бы не оттенялось антропологическим фоном, на котором они рассматриваются, то есть фоном других антропологических выборок с территории Русского Севера и Северо-Запада, к которым и стоит теперь обратиться.

О сложности антропологического состава современного и древнего населения Русского Севера и Северо-Запада писалось неоднократно²⁷. Последние фундаментальные работы по палеоантропологии Северо-Запада, написанные Н. Н. Гончаровой и С. Л. Санкиной, позволяют представить себе впечатляющее морфологическое разнообразие, которое сформировалось здесь к середине II тысячелетия. В данной работе мы не будем

²⁶ Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г. и др. Генофонд Русского Севера: Славяне? Финны? Палеоевропейцы? // Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология, 2011, № 3. С. 27–58.

²⁷ Чебоксаров Н. Н. Ильменские поозеры...; Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. Вып. XV. М., 1952. С. 72–85; Алексеева Т. И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья // Антропологический сборник. Вып. IV — ТИЭ, новая серия. Т. 82. М., 1963. С. 122–143; Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969; Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997.

пытаться даже кратко обрисовать мозаику краниологических комплексов, фиксирующихся на Северо-Западе в XI–XVI вв. Отметим лишь, что средневековое население Новгородской земли не было однородным ни в ранний период — XI–XIII вв., ни позднее — в XIV–XVI вв. При этом Н.Н. Гончарова указывает на заметную роль метисационных процессов и возможное сохранение у части популяций реликтовых антропологических особенностей, а С.Л. Санкина, кроме того, допускает существенное влияние эпохальной динамики в изменении формы черепа. Не менее важен вывод Н.Н. Гончаровой об относительно слабом влиянии субстратного, финно-угорского населения на антропологический облик населения Новгородской земли, который, по ее мнению, отражает характерные особенности именно славянского населения. Прделанные многомерные анализы позволили ей связать краниологические особенности словен новгородских с балтийскими славянами и подчеркнуть их относительную обособленность от всего восточнославянского мира²⁸.

В свою очередь С.Л. Санкина, также опираясь на современные методы многомерной статистики, уверенно разделила краниологические особенности балтских и финских групп. Первые характеризуются более длинной мозговой капсулой, более широкими орбитами, высоким и значительно более выступающим носом, чем вторые. По ее мнению, новгородские популяции XI–XIII веков в краниологическом отношении бесспорно тяготеют к балтским группам, а более поздние, XIV–XVI веков, — к финским²⁹. Важно отметить, что именно С.Л. Санкиной удалось обосновать хронологическую приуроченность этих двух разных краниологических комплексов средневековых новгородцев и, таким образом, зафиксировать смену антропологического состава населения Новгородской земли на рубеже XIII и XIV вв.

²⁸ Гончарова Н.Н. 1) Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дис... канд. биол. наук. М., 1995; 2) Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000. С. 66–94; 3) Антропология словен новгородских и вопросы их происхождения // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти В.П. Алексеева. М., 2003. С. 206–211.

²⁹ Санкина С.Л. Антропологический состав... С. 63–64.

Поздние новгородцы, по ее мнению, по большей части впитали в себя финский субстрат или вообще являются славянизированными потомками местного финского населения³⁰.

Не вдаваясь в историю палеоантропологического изучения Северо-Запада, упомянем, что уже первые работы по краниологии новгородцев, написанные в 1870-х гг. А. П. Волкенштейном и А. П. Богдановым, позволили наметить сложный антропологический состав региона и указать на сосуществование здесь как минимум двух антропологических комплексов, один из которых — длинноголовый — связывался со славянами, другой — более круглоголовый — ассоциировался с финно-угорским населением. Подтвердить реальность данных краниологических комплексов довелось в 1930-е гг. Н. Н. Чебоксарову, данные которого были опубликованы и обсуждены Г. Ф. Дебецем. Он отмечал, что генетическая связь между этими комплексами маловероятна, особенно с учетом гипоморфии одного из них, обладающего несколько более плоским лицом, слабо выступающим переносом и сглаженными собачьими ямками³¹. Детализировал эти положения В. В. Седов, который гораздо полнее охарактеризовал «словенский» и «чудской» краниологические комплексы, связал их с особенностями материальной культуры, в том числе погребального обряда³². Если В. В. Седов описывал лишь два основных краниологических варианта на территории Северо-Запада, то Т. И. Алексеева позднее выделяла здесь не менее шести краниологических вариантов³³. Новгородские словене были охарактеризованы Т. И. Алексеевой в основном по данным В. В. Седова. Они предстали как население мезокранное, с относительно высокой мозговой капсулой, среднешироким, низким и при этом резко профилированным лицом, сильно

³⁰ Санкина С. Л. 1) Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; 2) Антропологический состав...; 3) Скандинавская проблема...

³¹ Дебеч Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ, новая серия. Т. IV. М.; Л., 1948. С. 240.

³² Седов В. В. 1) Антропологические типы населения...; 2) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. Т. XVIII. М., 1953. С. 190–229.

³³ Алексеева Т. И. Некоторые новые материалы...

выступающим носом при хорошо развитом, высоком и широком переносье³⁴. Именно этот краниологический тип М. В. Витов напрямую связывал с широко распространенным на Русском Севере и Северо-Западе ильменско-белозерским антропологическим типом³⁵. Этот же краниологический вариант описан нами для позднесредневекового городского населения Великого Новгорода и Старой Руссы³⁶.

Анализируя морфологическое разнообразие средневекового населения Северо-Запада и Прибалтики, С. Л. Санкина недвусмысленно указывает на то, что в антропологическом составе этого населения «читаются» реликтовые краниологические комплексы. Так, с древним, судя по всему индоевропейским субстратом, она связывает особенности строения черепа все тех же эстов XI–XIII вв. Краниологическое сходство балтов и ранних новгородцев она склонна объяснять не прямым воздействием балтских популяций, а древним их родством, с чем можно полностью согласиться. Более того, «сходство части балтов, славян и финнов может свидетельствовать о едином древнеевропейском субстрате, когда-то имевшем широкое распространение»³⁷. Здесь уместно вспомнить, что о сходстве славянских черепов с территории Северо-Запада с черепами неолитической эпохи из Средней Европы гораздо ранее написала Т. И. Алексеева, подкрепившая этот тезис и краниометрическими данными³⁸. Стоит также вспомнить высказывание Николая Николаевича Чебоксарова (1907–1980), считавшего, что «ильменские поозеры сохранили свой средневековый тип в почти неизменном виде...». Он предполагал существенные различия в темпах расогенеза, имевшего место на территории

³⁴ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян... С. 64–65.

³⁵ Витов М. В. Антропологические данные... С. 15.

³⁶ Пежемский Д. В. 1) Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000. С. 95–129; 2) Краниологические материалы из раскопок А. В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения — 2. Материалы научной конференции, 21–24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 106–113.

³⁷ Санкина С. Л. Антропологический состав... С. 64.

³⁸ Алексеева Т. И. Некоторые новые материалы... С. 142–143.

Новгородской земли и в более южных и восточных районах. «Объяснение этому интересному явлению надо, очевидно, искать в особенностях исторического развития русского Севера и, прежде всего, в том, что здесь не было такого интенсивного смешения этнических и антропологических элементов различного происхождения. Не случайно судьбу Новгородской земли до некоторой степени разделила Белоруссия, также лежавшая в стороне от торных дорог этнических перемещений и пертурбаций средневековья и сохранившая в силу этого расовые компоненты, наиболее сходные с древнеславянскими. В Западной Европе аналогичная “консервация” раннесредневековых долинхоканных форм имела место в Скандинавии и Исландии»³⁹. В русле представлений учителя лежали представления Михаила Владимировича Витова (1923–1968), который написал в 1964 г. о близости ильменско-белозерского типа к антропологическим типам Северной Европы и в частности Скандинавии. Он предполагал, что в морфологических особенностях тех и других сохранились общие черты, восходящие еще к «верхнепалеолитическим насельникам Европы»⁴⁰.

Мозаика антропологических типов Северо-Запада и Восточной Прибалтики, описанная многими отечественными специалистами, достаточно велика. Однако если мы зададимся целью отыскать здесь длинноголовые, низкосводные и относительно высоколицные выборки и будем тщательно анализировать эту мозаику, то обнаружим, что «находок» очень и очень мало. Окажется, что выборки с действительно низким сводом мезокранны и обладают относительно низким лицом (табл. 3). К этому кругу форм относится позднесредневековое население Великого Новгорода и Пскова, бассейнов Верхней Луги и Сабы. Подавляющее число *известных к сегодняшнему дню* материалов с территории Восточной Прибалтики, Северо-Запада и Русского Севера относится к высокосводным популяциям, нередко — к резко гипсикранным. Выборок с низким сводом, за исключением уже описанных (ливы, Ладога, Канарщина, Куреваниха), обнаружить не удастся. Однако мы упускаем из вида одно чрезвычайно важ-

³⁹ Чебоксаров Н. Н. Ильменские поозеры... С. 267.

⁴⁰ Витов М. В. Антропологические данные... С. 15.

ное обстоятельство. Представительных краниологических материалов XI–XIII вв. из Новгорода, Пскова и других важнейших микрорегионов на текущий момент просто нет, они пока не найдены и не введены в научный оборот. Это касается и ближайшей округи данных городских центров. Когда новые материалы появятся, не исключено, что прямые аналогии краниологическому комплексу населения средневековой Ладоги тут же найдутся, и оно не будет выглядеть столь «одиоко» на антропологической карте Северо-Запада. На основе проанализированных данных рискну высказать предположение, которое можно рассматривать как рабочую гипотезу. А что если хорошо известный по материалам позднего средневековья *низкосводный антропологический тип населения Новгорода и Пскова* — это результат эпохальной трансформации раннего антропологического типа, выявленного в Ладоге и в ранний период также представленного в Новгороде и Пскове?

Выводы

1. Краниологические серии, описанные С. Л. Санкиной как «скандинавские», безусловно, обособленно стоящие в ряду средневековых антропологических типов Русского Севера и Северо-Запада, допускают иную интерпретацию, что пока не позволяет уверенно говорить о выявлении именно «варяжских» групп населения.

2. В Старой Ладоге, на Ижорском плато и в Белозерье С. Л. Санкиной удалось зафиксировать отдельные (видимо, редкие) популяции, аналогии которым находятся исключительно в раннесредневековом и еще более древнем населении Европы; в эпоху развитого средневековья они, судя по всему, были распространены по Северо-Западу и Восточной Прибалтике уже очень дискретно.

3. Выявленные так называемые «скандинавские» серии свидетельствуют о длительном сохранении (консервации) антропологических особенностей древнего населения Северной Европы и допускают предположение о том, что именно на их основе происходило формирование ильменско-белозерского антропологического типа.

Таблица 1

Сравнительная характеристика краниологических выборок
с низким сводом. Циркумбалтийская зона

Признак, № по Р. Мартину	1	2	3	4	5	6
1. Продольный диаметр	188,0	185,7	184,7	183,9	193,6	188,9
8. Поперечный диаметр	139,6	135,8	137,5	141,9	137,8	141,1
8:1. Черепной указатель	74,3	73,5	74,7	77,3	71,3	74,8
17. Высотный диаметр	132,0	132,2	133,3	131,6	133,9	134,5
17:1. Высотно-прод. указ.	70,3	71,2*	72,2*	71,6*	69,7	71,2*
17:8. Высотно-попер. указ.	95,3	97,3*	96,9*	92,7*	96,9	95,3*
5. Длина основания черепа	101,9	—	—	—	105,6	—
9. Наим. ширина лба	95,9	97,8	95,7	—	97,9	97,8
45. Скуловой диаметр	131,8	128,3	129,8	133,2	133,0	130,2
48. Верхняя высота лица	71,6	71,8	71,0	70,8	72,0	71,8
48:45. Верхний лицев. указ.	54,2	55,2	54,6	53,1	54,2	56,4
52. Высота орбиты	33,7	34,4	33,9	31,3	34,0	32,6
54. Ширина носа	24,6	25,4	24,5	24,2	25,2	24,2
52:51. Орбитный указатель	79,6	83,1	79,4	74,2*	78,6	78,2
54:55. Носовой указатель	48,5	50,2	48,2	47,7*	47,4	46,9
SC. Симотическая ширина	9,2	—	—	—	9,8	—
SS. Симотическая высота	5,5	—	4,3	—	5,1	—
SS: SC. Симотический указ.	59,6	—	46,2	—	53,1	—
75 (1). Угол выст. нос. костей	34,3	—	26,3	—	33,6	—
77. Назо-малярный угол	137,8	—	135,9	—	135,0	—
$\angle Zm'$	124,7	—	130,5	—	124,9	—

Примечания: * — вычислено по средним; **1** — Старая Ладога, Земляное городище, XI–XII вв. (Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 94; Санкина С.Л. Скандинавская проблема в свете антропологических данных: группы Русского Севера и Северо-Запада эпохи средневековья (XI–XIII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 144); **2** — Ливы низовьев Гауи, XI–XII вв. (Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975. С. 162); **3** — Ливы, сборная серия, X–XII вв. (там же); **4** — Сиксали, Юго-Восточная Эстония, XIV–XV вв. (Heapost L. The Cemetery of Siksälä: Osteological and Paleodemographical

Analysis // Siksälä: A Community at the Frontiers. Iron Age and Medieval. Tallinn–Tartu, 2007. P. 226); **5** — Поздние фатьяновцы середины II тыс. до н.э. (Денисова Р.Я. Антропология древних балтов... С. 94, 214–216); **6** — Мегалитическая культура Юго-Западной Швеции (Fürst, 1925 — цит. по: Денисова Р.Я. Антропология древних балтов... С. 74).

Таблица 2
Сравнительная краниологическая характеристика
мужских черепов из Старой Ладоги и Шестовиц

Признак, № по Р. Мартину	Старая Ладога	Шестовицы	t_{st}
1. Продольный диаметр	188,0	189,9	1,32
8. Поперечный диаметр	139,6	142,2	2,19*
8:1. Черепной указатель	74,3	75,0	0,91
17. Высотный диаметр	132,0	133,7	1,34
17:1. Высотно-прод. указ.	70,3	70,2	0,12
17:8. Высотно-попер. указ.	95,3	94,0	1,09
5. Длина основания черепа	101,9	104,7	2,55**
9. Наим. ширина лба	95,9	97,7	1,65
45. Скуловой диаметр	131,8	<u>127,6</u>	3,35**
48. Верхняя высота лица	71,6	69,3	1,95*
48:17. Верт. фацио-цер. указ.	54,4	51,8†	—
48:45. Верхний лицев. указ.	54,2	<u>54,5</u>	0,35
51. Ширина обреты	42,9	<u>21,5</u>	2,70**
52. Высота орбиты	33,7	33,8	0,18
55. Высота носа	51,2	49,9	1,44
54. Ширина носа	24,6	25,0	0,93
52:51. Орбитный указатель	79,6	<u>83,1</u>	2,19*
54:55. Носовой указатель	48,5	47,5	0,82
SS: SC. Симотический указ.	59,6	<u>44,4</u>	5,59**
75 (1). Угол выст. нос. костей	34,3	<u>23,0</u>	—
77. Назо-малаярный угол	137,8	<u>144,0</u>	5,83**
$\angle Zm'$	124,7	<u>133,5</u>	6,92**

Примечания: † — вычислено по средним; подчеркнуты средние при $p < 5$;

* достоверно при $p = 0,05$; ** достоверно при $p = 0,01$ и более высоком уровне значимости.

Таблица 3

Сравнительная характеристика краниологических выборок
с низким сводом. Северо-Запад

Признак, № по Р. Мартину	1	2	3	4	5	6
1. Продольный диаметр	188,0	183,0	182,6	179,2	179,8	178,8
8. Поперечный диаметр	139,6	137,4	141,1	140,9	144,8	141,2
8:1. Черепной указатель	74,3	75,0	76,6	78,7	80,3	79,0
17. Высотный диаметр	132,0	132,2	132,9	132,8	135,9	133,7
17:1. Высотно-прод. указ.	70,3	72,8	72,9	74,8	75,6	74,9
17:8. Высотно-попер. указ.	95,3	97,0	94,3	94,9	94,5	94,9
5. Длина основания черепа	101,9	100,5	96,7	100,2	101,5	100,2
9. Наим. ширина лба	95,9	—	95,9	96,3	99,3	96,9
45. Скуловой диаметр	131,8	—	132,8	134,1	132,7	130,6
48. Верхняя высота лица	71,6	73,0	71,0	68,5	67,6	69,0
48:45. Верхний лицев. указ.	54,2	—	52,9	52,2	53,3	52,9
52. Высота орбиты	33,7	33,0	33,1	30,9	30,9	31,7
54. Ширина носа	24,6	24,5	23,4	23,5	24,5	24,6
52:51. Орбитный указатель	79,6	78,6	77,2	75,4	75,8	77,1
54:55. Носовой указатель	48,5	47,5	45,7	48,6	50,4	49,0
SC. Симотическая ширина	9,2	9,9	10,0	10,5	9,8	9,4
SS. Симотическая высота	5,5	5,7	5,8	4,6	4,2	4,6
SS: SC. Симотический указ.	59,6	58,1	56,8	45,2	43,7	50,1
75 (1). Угол выст. нос. костей	34,3	—	33,0	32,0	24,7	39,2
77. Назо-малярный угол	137,8	—	133,6	138,5	139,0	137,9
$\angle Zm'$	124,7	—	125,9	125,4	128,0	127,8

Примечания: 1 — Старая Ладога, Земляное городище, XI–XII вв. (Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладоги // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 94; Санкина С.Л. Скандинавская проблема... С. 144); 2 — Куреваниха 2, р. Молога, XII в. (Санкина С.Л. 1) Антропология средневекового населения... С. 86, 2) Скандинавская проблема... С. 144); 3 — Ижорское плато: Канарщина, Шпаньково, Новое Заречье, XIII в. (Санкина С.Л. Скандинавская проблема... С. 144); 4 — Великий Новгород, XV–XVI вв. (Пежемский Д.В. Краниологические материалы из раскопок А.В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения — 2. Материалы научной конфе-

ренции, 21–24 сентября 2002 г. Великий Новгород, 2004. С. 111–112);
5 — Раглицы Б, Верхняя Луга, XIV–XVI вв. (Санкина С.Л. Антрополо-
гический состав средневекового населения Новгородской земли // На-
роды России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000.
С. 17–20); **6** — Псков, XIV–XVI вв. (там же, с. 13–15).